

АЛЛА БОРИСОВНА ЛИХАЧЕВА
Вильнюсский университет

Об особенностях метафоры в современной российской телепублицистике

Исследование языка средств массовой информации представляется актуальным в первую очередь в связи с отмечаемой многими исследователями тенденцией к ориентации языковой эстетики последних лет на разговорность, экспрессивность, к отходу от строгой литературной нормы. Чаще всего при этом используются метафорические обозначения описываемых реалий, идиомы, смысловые приращения, цитация, нередко сопровождающаяся пересмешничеством. Метафорические модели в телевизионной речи последних лет характеризуют не только идеостиль того или иного телеведущего, но отражают также особенности общественного сознания, и — что особенно интересно — современные *языковые предпочтения* российского общества.

Дальнейший анализ особенностей метафоры в речи ведущих телепрограмм, в ходе которого обсуждаются конкретные проявления указанной тенденции, выполнен на основе примеров из новостных и аналитических программ российского телевидения за период с начала 1997 г. до конца апреля 2000 г. (примеры из этих программ будут сопровождаться только указанием канала телевидения России: ОРТ, НТВ, РТР, ТВЦ (ТВ Центр), ТВ6).

Метафорой в данной работе мы называем (вслед за авторами *Словаря русских политических метафор* [Баранов, Караулов 1994]) любые виды употребления в экранной речи слов в непрямом значении, относя сюда и собственно метафоры (семантические переносы, включая метонимические), и сравнительные обороты, и обыгрывание идиом и прецедентных текстов. Метафорические модели классифицируются и называются по словам, являющимися родовыми по отношению к словам, представляющим элементы ее понятийной области. При этом метафорическая модель рассматривается как результат естественной, наивной, а не научной категоризации окружающего мира.

Несколько забегая вперед, считаем важным подчеркнуть, что общий репертуар метафорических моделей, используемых в последние годы, во многом изменился по сравнению с тем, который зафиксирован в *Словаре русских политических метафор*, составленном на основе текстов 1986–1993 гг. Значительные расхождения обнаруживаются также в частотности употребления отдельных моделей в перестроечные и поздние постперестроечные годы. Стилистически изношенными и менее актуальными, чем десять лет назад, становятся *военная метафора*, *метафоры механизма, строения* и примыкающая к ней *модель ремонта, метафоры транспорта и дороги*. С другой стороны, особую популярность в телеречи 1997–99 гг., т.е. в “допутинский” период, в силу понятных причин приобрела *медицинская метафора* (включающая значения ‘болезнь’, ‘лечение’, ‘гигиена’), *метафора игры*, к которой мы относим *спортивные игры, актерское лицедейство*, а также *азартные игры*. Последняя метафорическая модель (игра разного рода) стала тогда безусловным лидером по продуктивности.

Далее, *метафора цвета* сегодня, кажется, уступает место *метафоре деперсонификации*. Благоприятной почвой для метафорической новации является интимная сфера, что проявляется в эротизации описаний политических реалий. Обозначим это явление как *эротическую метафору*. Интересен феномен обыгрывания прецедентных текстов и идиом с выделением среди них метафоры, условно обозначенной нами как *особенности национального менталитета*. Еще одна замечательная сторона современной телевизионной манеры — репортажи, целиком построенные на *развернутой метафоре*, разрабатывающие единую метафорическую модель. И, наконец, *просторечная лексика* и *жаргонизмы* становятся все более популярной основой метафорики.

Рассмотрим теперь все эти явления на конкретных примерах.

Тема *здоровья*, а точнее — *нездоровья власти* и всей страны актуализировалась во множестве метафорических конструкций последних лет, связанных с *медициной*. Несколько позже появилась и тема *гигиены*, видимо, как составной части профилактики российских политико-экономических заболеваний, ср. например:

полулежачий фондовый рынок (ОРТ); *быстродействующие лекарства* — *кредиты МВФ* (ОРТ); *реформы получились инвалидные* (НТВ); *генпрокуратуру опять лихорадит* (НТВ); *политическая аллергия* (ОРТ); *От некоторых членов правительства запах... как от детей, запачкавших штанишки* (РТР); *Пока ему (Кириенко) удастся добиваться своего в Думе, при этом соблюдая гигиенически необходимую дистанцию* (РТР); *политическая импотенция* (РТР); *вменяемость власти* (ОРТ).

С появлением на политическом Олимпе В. Путина в фокусе метафоры оказались иные медицинские термины, несмотря на сохранение почти всех прежних симптомов недомогания российского общества:

в Чечне необходимы хирургические меры (об уничтожении лидеров террористов) (ОРТ); *метастазы террора* (ОРТ); (о Думском кризисе) *клиническая смерть левой оппозиции* (ТВЦ); (о выборах президента) *произошел замер температуры российского общества* (ОРТ); (об операции “Вихрь-антитеррор”) *московский дурдом* (ОРТ).

Игра как продуктивная основа метафоризации описаний жизни общества в целом в дополнительных комментариях, безусловно, не нуждается. Хотелось бы только отметить, что более широкие контексты характеризуют провальную bestолковость политических и финансовых игр в российском обществе, ср.:

Участники игры уже нацелились на кресло премьера (НТВ); *Президент обыграл коммунистов на их же поле* (ОРТ); *игра на импичмент президента* (НТВ); *о нем (генпрокуроре) говорили как о фигуре ... уже практически отыгранной* (РТР).

Весьма разработанной телевидением частью метафоры игры, а именно — нечестной игры, является *интрига*, например:

интрига, которая закручивается вокруг премьера (НТВ); *Лужков показал верх мастерства политинтриги* (НТВ); *политическая интрига* (ТВ6).

Сценическая интрига — неотъемлемый компонент развития действия, поэтому в одном и том же репортаже *метафора интриги* нередко соседствует с метафорой *актерской игры*:

каждый политик превращается все больше в актера (РТР); *интрига закрутилась с большей силой ... Он (президент) чувствовал себя звездой и прекрасно играл роль звезды* (НТВ); *если они не участники политической инсценировки, то участники большой политической игры* (РТР); *в театре, извините, в политике — свои правила* (РТР); *Политика и театр — явления конкурирующие, но с политиков на выборах срывают маски, а в театре их надевают* (НТВ); *кремлевское закулисье* (НТВ).

Интересное воплощение тема сцены и актерства получила в новой для рассматриваемого круга передач метафоре *театр марионеток*:

кремлевские кукловоды (ТВ6); *правительство, как некая марионетка, которая рулит кукловодом (Госдумой)* (РТР); *московский кукловод* (ТВЦ); *несамостоятельность марионеточного президента* (ОРТ).

Многочисленные примеры указывают на продуктивное существование в телеречи *метафоры спорта*, в частности, командных игр, например:

Президент снова безоговорочно утвердил себя как ключевого игрока на поле (РТР); Березовский сделал Зюганову точный пас под ударную ногу (РТР); лидеры политической суперлиги (РТР); политики второй лиги (ОРТ); не исключено, что Черномырдин предпочтет солидную роль тренера (РТР); На скамейке запасных всю неделю отдыхал еще один участник соревнований ... после отказа суда "спортсмену" в жалобе (о Жириновском) (ТВЦ).

Указания на отдельные виды спорта (борьба, легкая атлетика, шахматы, бильярд) тоже популярны, причем иногда хорошая спортивная форма демонстрируется как доказательство выздоровления, ср.:

Каков же последний ход президента в этой партии? (ОРТ); Лебедь уступил майку лидера Лужкову (НТВ); один из политических тяжело-весов России (НТВ); Видно, как он (Ельцин) изголодался по настоящим жестким мужским играм (НТВ); У президента вошло в привычку приехать в Кремль сразу после болезни и поиграть политической мускулатурой (РТР); Степашиин уступил лыжню Матвиенко (о решении Степашина не баллотироваться на пост мэра Санкт-Петербурга) (РТР); комиссия сияла с дистанции обе партии (ОРТ); политический бег на месте (НТВ).

Карточная игра стабильно входит в круг метафор, характеризующих политические явления:

предвыборный козырь (НТВ); Расклад, как говорят преферансисты, сильно изменился в пользу президента (РТР); козырная карта с изображением Юрия Скуратова была извлечена из российской политической колоды (ОРТ); кадровые пасьянсы раскладываются вяло (ОРТ); вмешаться в политический пасьянс (РТР); одна и та же колода политиков (НТВ).

Однако в периоды активных кадровых перестановок не менее привлекательной для тележурналистов основой ассоциаций служит старая и общеизвестная (исключительно популярная в "распутинское время") политическая метафора, связанная с игрой в чехарду, что вполне понятно:

военная, правительственная, премьерская, кадровая чехарда, чехарда в правительстве (ОРТ, РТР, НТВ, ТВ6).

Показательно, что еще в *Словаре* С.И. Ожегова 1983 г. переносное значение слова *чехарда* сопровождалось поместой 'разговорное, неодобрительное', а в качестве иллюстрации приводилось: *Министерская чехарда в буржуазных странах (частая смена министров)*. Напомню, что суть игры состоит в том, что играющие по очереди прыгают через своих партнеров, стоящих в согнутом положении, а переносное значение таково: 'частые изменения в чем-нибудь, создающие неопределенное, неустойчивое положение' [Ожегов 1983, 786].

При этом *метафора игры* используется аналитиками для смягчения повествования о более чем серьезных вещах. Всерьез болея за свою страну, тележурналисты "... прячутся за язык, за языковую игру. Есть доля истины в шутовском высказывании Ф. Кривина: "...о серьезном говорить всерьез — все равно что заедать кирпич черепицей..." [Санников 1995, 58].

Популярная в начале изучаемого нами периода *метафора цвета* в течение 1999 г. практически полностью вытеснена другими, характеризующими ту же категорию политических сил, по отношению к которым колористические мотивы были актуальны — это левые и ультралевые. После формирования левого правительства во главе с Е. Примаковым и националистических выходов левых слова *коммунисты*, *коммунистический* вновь напрямую зазвучали там, где раньше использовались перифрастические конструкции, такие как:

место полемики ярко-красных и розовых ораторов (РТР); бледнеют не только красные, но и розовеют белые — идет сближение (НТВ); левая часть политического спектра (РТР); верхушка КПРФ ... отходит от красноты, коричневает (НТВ); этот инфракрасный ультрапатриот (ОРТ).

На смену *метафоре цвета* приходит иная, основанная на приеме *деперсонализации* и, опираясь на нее, тележурналисты характеризуют не только левых, но и другие одиозные личности, например:

российские зоологические антисемиты (РТР); свежесозначенный премьер (РТР); наша власть — флора или фауна? (ОРТ); безразмерная (депутатская) неприкосновенность (РТР); пластмассовая деятельность супруги Лужкова (ОРТ); левые думские ястребы (РТР); недоброкачественные депутаты (ОРТ); он (Скуратов) — надувная кукла Лужкова (РТР).

Начиная с 1998 г. наметилась тенденция к описанию фактов политической жизни страны как относящихся к интимной сфере. Это открыло дорогу для *эротической метафоры*, и она естественно вписалась в процесс так называемой *эротической революции*:

сексуальная взятка (о Скуратове) (РТР); Примаков сейчас в большой цене, он желанная невеста для любого политического жениха, и потому к нему сватаются ... многие (РТР); Недавно они (коммунисты) захотели телевидение (НТВ); Зюганов давно строит глазки Примакову (РТР); Демократы назвали брак "Единства" и коммунистов извращением (ТВЦ).

Введение в политический дискурс "клубничного" момента позволяет обращаться к аллюзиям и играть со смежными смыслами:

нескончаемый и тоскливый, как плохая мыльная опера, роман между Кремлем и московским руководством (РТР); (о позиции А. Лукашенко в отношении Москвы) изящный шантаж: если, мол, вы отвергаете мою

близость, я меняю ориентацию и люблю Запад ... В любовных играх возбуждение ревности — вполне оправданная тактика (РТР); Губернаторы уже давно наставили рога Примакову и Лужкову (ОРТ); политические рогаши, политические роконосы (ОРТ); Власть решила пообниматься с коммунистами. Идеологии здесь нет и в помине, любви тоже. Скорее — внебрачная связь (РТР).

В экранной речи активно используются *фразеологизмы, пословицы, прецедентные тексты* (впрочем, в широком смысле все идиомы возможно отнести к прецедентным текстам) как в оригинальном виде, так и модифицированные, например:

Бог полагает, а правительство располагает. Но выясняется, что правительству располагать-то особенно нечем (РТР); выбирать между мэрской синицей и президентским журавлем (РТР); социализм с человеческим лицом в кепке (ОРТ); О каком же таком большом коммунистическом деле так долго говорили в особняке? (НТВ); Зюганов и Березовский, как хлеб и "Рама", созданы друг для друга (РТР); коммунизм в отдельно взятом доме ... жители — воплощения четвертого сна Веры Павловны (НТВ); Валентина Матвиенко сможет побороться за симпатии пролетариата, "дыша духами и туманами" (РТР); Премьер в России больше, чем премьер (ОРТ).

Прецедентные тексты, подвергаясь метафорическому преломлению, обыгрываются и поэтому часто приводятся в усеченном виде:

Когда большое государство ругает маленькую Думу, она резонно отвечает: нечего на зеркало пенять, сами выбрали (ТВ6); В России бродит призрак топливного кризиса (РТР); неисповедимы пути реформы (НТВ); Все смешалось в странах СНГ (ОРТ); Все это было бы смешно, когда бы не было так (НТВ).

Семантический потенциал метафор отчетливо проявляется в эффекте недосказанности, намека, как это видно по высказываниям типа:

Билеты продавались на роскошный лайнер (о блоке Примакова—Лужкова), а он оказался "Титаником" (РТР); Пришла весна — пора перечитывать первоисточники (НТВ); Дело Шарикова живет (РТР); Законодательная власть собирается сначала насесть на четвертый сук, а потом и срубить. Дальше — по пословице (о 4-ой власти — СМИ) (ОРТ).

Среди контекстов, отсылающих зрителя к прецедентному тексту, особого внимания, на наш взгляд, заслуживают такие, в которых с заметной самоиронией оцениваются *национальные качества русских и специфичный образ России* в ряду других стран:

Забывчивость власти проявляется в том, что она забывает уроки истории, в который раз наступает на грабли (НТВ); наша наследственная игра в слова (РТР); забытая национальная забава: игра наперегонки с ценами (НТВ).

Активно перифразируются названия известных фильмов об *особенностях национальной охоты и рыбалки*, позволяющие “экономить” на поисках других способов вербализации этого ощущения горьковатого смеха над собой:

особенности национальной охоты за премьерским креслом (НТВ); особенности национальной встречи Нового года: сотовый Дед Мороз ... Дед Мороз был престижным, но в складчину ... наш Дед Мороз — наш ответ Западу и его агенту Санта-Клаусу (НТВ); особенности национальной системы правосудия (ОРТ); особенности национальной внутренней политики (РТР); особенности национальной охоты на избирателя (ОРТ).

Игра в метафоры является заметным фактом современной российской публицистической культуры, обоснованно ощущающей себя серьезной соперницей беллетристики по возможностям использования языковых средств, а главное — по объему потребительского внимания. Все чаще метафора не просто “вбрасывается” в текст, оставаясь его одиноким необязательным украшением, но цепочка взаимосвязанных образов пронизывает все сообщение, превращая его в самостоятельную метафору. Репортажи, построенные на одной *развернутой метафоре*, представляют собой явление, относительно новое для нехудожественного вещания. По нашим наблюдениям, они стали занимать заметное место в новостных и аналитических программах не более двух лет назад. Приведем выдержки из актуального репортажа, построенного на *метафоре погоды*:

Прогнозы синоптиков от политики пока не оправдываются: вместо горячей, мы получили холодную осень 1997 года (“Холодное лето пятьдесят третьего года” — название известного фильма); значительное повышение температуры в народной среде; политическая температура этой осени не выйдет из-под контроля (НТВ).

Развернутая метафора используется при оформлении как небольших информационных сообщений, так и более пространных репортажей-эссе:

Те, кто наблюдал вчерашнее действие, наверняка по достоинству все оценили: как мастерски сыграл Владимир Вольфович, как долго держал паузу Геннадий Андреевич и как не повезло Григорию Алексеевичу. Со сцены Явлинский пытался уйти по-английски (по-английски говорил с журналистами) ... А политически слабый противник (Дума) ... снова полез на коня, и снова под купол без страховки — какая смелость! Конечно, если забыть о том, что внизу натянут батут Из зала заседаний спектакль мгновенно перенесся в коридоры Госдумы По окончании шоу Владимир Жириновский уехал из Охотного ряда. Судя по тому, что говорил представитель президента, Борис Ельцин от начала до конца

наблюдал весь процесс, и, похоже, ему, как зрителю, представление понравилось (РТР).

Глобальная либерализация речи и языка, естественно, охватила и телевидение последних лет. Популярным источником оживления новостного дискурса выступает *просторечно-разговорная и ненормативная речевая стихия*:

пожелай президент ... ущучить Лужкова (РТР); Дума все равно его (Черномырдина) прокатит (НТВ); завернуть бюджет (НТВ); прессу обвинили в обычном наезде на министра (РТР); был ли он инициатором сделки или ... просто лохам, которого использовали втёмную (о действующем министре) (РТР); банки кинули миллионы вкладчиков (НТВ); президент обещал не сдавать своего премьера (НТВ); вся политическая братва (РТР).

Как можно судить по этим и подобным примерам, диапазон речевой свободы телекомментаторов колеблется от стилистически сниженной лексики, не характерной для широкой общественной коммуникации, до детабурированной лексики маргиналов. Толкования слов *ущучить* (просторечн. 'поймать, захватить'), *втёмную* (разг. 'В карточной игре: не посмотрев своих карт; наугад, вслепую'), *прокатить* (разг. 'отвести на выборах, забаллотировать'), фиксируются *Словарем русского языка* [1981–1984], однако их оценочная экспрессия до недавнего времени была чрезмерной не только для новостных и аналитических программ, но и для телевидения в целом. Комментарии к лексическим единицам, входящим в остальные приведенные выше примеры, обнаруживаются только в словарях жаргонизмов. Это касается слов *завернуть* (бюрократический сленг 'не принять, вернуть бумаги, не рассмотрев их под каким-либо предлогом'), *наезд* (жаргонизм из армейской, криминальной среды или сферы бизнеса со значением 'предъявление претензий, сопровождаемое угрозами и (или) применением насилия'), *лох* (криминальный, карточный жаргонизм 'то же, что клиент: простофиля, которого легко обыграть и (или) обмануть'), *кинуть* (жаргонизм из фарцовочной, криминальной или среды бизнеса 'обмануть, надуть'), см. [Юганов, Юганова 1997], *сдавать* (уголовный жаргонизм, означающий 'выдать властям, предать'), *братва* (уголовный жаргонизм со значением 'приятели, сокамерники'), см. [Ермакова и др. 1999]. По словам автора работы о языковых пристрастиях русскоязычного социума нашего времени, "в сущности, все, что обреталось в раскованной бытовой речи (и многое сверх того!) сейчас допускается в сферу масс-медиа" [Костомаров 1997, 73].

Метафорические модели, описывающие процессы социально-экономической и политической жизни, очевидно мсняются вместе с изменением объектов метафоризации. По нашему мнению, в настоящее время печатные СМИ и телевидение работают в режиме некоего историко-языкового компромисса, поскольку они используют и систему метафорического структурирования мира, сформировавшуюся с начала 1997 г., и стремятся нащупать некоторую новую систему такого структурирования. Масс-медиа как бы набрасывают лишь едва заметную вуаль меняющейся образной категоризации на российскую действительность постлеельцинской эпохи. Смена президента, да еще такая, при которой новый хозяин Кремля во многом является антиподом по отношению к “отрекшемуся от престола” Б. Ельцину, не могла не сказаться на образной палитре российских СМИ. “Кредо Путина — порядок, упорядочение”, — предупреждают политологи (Л. Радзиховский на НТВ), опасаясь, что цена за этот порядок может быть непомерно высокой. “Президентом страны Обломовых стал Штольц. Хотим мы того или нет, нам придется в этой связи переосмыслить свое отношение к тем, о ком нас в школе учили думать как о бездушных прагматиках”, — вторят им газетчики (*Аргументы и факты*, №14, 2000). Непредсказуемый, но очень по-русски колоритный Ельцин передал власть человеку еще более непредсказуемому и совсем не по-русски закрытому. При этом любимое и, видимо, по сути особенно значимое для самого преемника слово-заклинание — *внятность*: *внятная политика, внятная программа, внятные взаимоотношения*, даже *внятная Дума*. Этими понятиями, антонимичными по отношению к сложившейся до него практике малопонятных действий государственной власти, новый президент России обозначает вектор перемен. Обозначает он эти перемены скорее на словах, поскольку на деле остаются все те же загадочность самого главы государства и противоречивость кремлевских решений. Отсюда — некоторая растерянность тележурналистов. Действительно, на что нацеливать словесное острие, если объектом анализа является *неизвестный Путин* (так был назван публицистический телеопус о нем на РТР), *черный ящик, белый лист* (из этого же фильма)?!

Метафор, прямо связанных с именем Путина(–Штольца–Штирлица), относительно немного, и они в основном касаются темы *игры*, что, конечно, понятно, когда речь идет о сильном и необъяснимом человеке-маске:

спрос на патриотизм в исполнении Путина (РТР); Путин намерен играть в свою игру (о самостоятельности его решений) (ТВЦ); Политическая игра в Москве идет в одни ворота. Бьет по мячу один Владимир Путин, все

остальные только подкатывают ему мяч (РТР); Сам Владимир Владимирович старается не раскрывать своих карт (о его экономических воззрениях) (НТВ); Путин играет по всему полю (об обращении к избирателям по всем актуальным вопросам) (РТР).

Стилистическая полифония — характерная черта современного языка масс-медиа. В результате отказа от отлаженного хорового декларирования “чувства глубокого удовлетворения” по поводу домашней ситуации и “чувства гневного осуждения их нравов” в средствах массовой информации возникла авторски нюансированная палитра речевых красок для обрисовки нынешнего сложного мироустройства. В.Н. Шапошников характеризует это явление как “развитие стилевой диффузии” и как “изменение общественного вкуса к стиливым сферам и стилистически маркированным средствам” [1998, 225]. В целом же сегодняшняя телевизионная речь является убедительной иллюстрацией того, что письменные тексты перестают (или уже перестали) быть фундаментом литературной нормы, а “сфера, называемая литературным языком, — как отмечает Шапошников, — изменилась в своих важнейших показателях — кроме нормы — в самом отношении к литературе как объему опорных текстов. <...> включаются и увеличиваются пространства массовой информации, как письменной, так и устной” [там же, 226].

Дрейф российских телевизионных новостных и аналитических программ в сторону живой интерпретации фактов с привлечением широкого диапазона образных языковых средств происходит на наших глазах, “здесь и сейчас”, и у лингвистов есть уникальная возможность наблюдать “процесс переработки в языковое значение различных “субпродуктов” идеальной (интеллектуальной, эмоциональной, перцептивной) деятельности человека. Изучение метафоры позволяет увидеть то сырье, из которого делается значение слова” [Арутюнова 1979, 173]. Добавим к этому, что в результате анализа метафорического пространства, представленного выше, проступают и некоторые новые очертания нынешней российской лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д., 1979: Языковая метафора: (Синтаксис и лексика), in *Лингвистика и поэтика*. Москва, 147–173.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н., 1994: *Словарь русских политических метафор*. Москва.
- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И., 1999: *Слова, с которыми мы все встретились*: Толковый словарь русского общего жаргона. Москва.

Костомаров В.Г., 1997: *Языковой вкус эпохи*. Москва.

Ожегов С.И., 1983: *Словарь русского языка*. Москва.

Санников В.З., 1995: Каламбур как семантический феномен, *Вопросы языкознания*, 3. 56–69.

Словарь русского языка: в 4-х т., под ред. А.П. Евгеньевой. Москва, 1981–1984.

Шапошников В.Н., 1998: *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении*. Москва.

Юганов И., Юганова Ф., 1997: *Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов)*. Москва.

E-mail: ala.lichaciova@flf.vu.lt

Март 2000 г.

ALLA BORISOVNA LIKACHEVA

**On metaphoric features in contemporary
Russian television commentary**

The investigation was carried out on the basis of Russian television news and comment broadcasts dating from the period from the beginning of 1997 to the end of April 2000). It revealed how much the language of television commentaries has changed in comparison with the years of perestroika. The analysis confirms the social nature of metaphors in the Russian mass media, and the interplay of life and language. It also shows some new phenomena in the language of Russian television broadcasts: stylistic polyphony, a partiality for colloquial aesthetics, and the expansion of informal and popular expressions.